

УДК 167.7, 316.01

КОНФИГУРАЦИИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Фахрутдинова А. З.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: faamina@yandex.ru

При изучении трансформации социальных процессов возможно применение как одной, так и нескольких конфигурированных моделей. Первый вариант конфигурации связан с синтезом субъективистского и объективистского подходов. Результатом такого синтеза явились теория структуризации Э. Гидденса, теории самонаправленности А. Этциони и «самопроизводящегося общества» А. Турена др. Все модели такого типа акцентируют внимание на активной роли субъекта, с одной стороны, детерминированного объективными условиями, а с другой – конструирующего их благодаря рефлексии, мониторингу социальной жизни и коммуникации. Автор статьи обнаруживает осуществление данного синтеза в других социальных науках: политологии, прогностике, теории принятия решений и пр. Второй вариант конфигурации связан с сочетанием детерминистического и вероятностного подходов. Такую конфигурацию автор эксплицирует при анализе работ К. Маркса, К. Поланьи, П. Сорокина. По Марксу, детерминистический подход реализуется в развертывании противоречия между производительными силами и производственными отношениями, роль случайности можно увидеть в его анализе первоначального накопления капитала. Анализ концепции Поланьи показал, что линейное и стабильное европейское развитие в XIX веке обеспечивалось действием четырех взаимосвязанных социальных институтов, в то время как вероятностный характер трансформации сопряжён с действием международных политических субъектов. Подобная логика социальной динамики реконструируется и при анализе работ Сорокина. Автор статьи делает вывод о сущностной близости выявленной конфигурации с синергетической моделью, по крайней мере, в части вопроса о соотношении необходимости и случайности.

Ключевые слова: конфигурация моделей социальных трансформаций, объективизм, субъективизм, детерминизм, вероятностный характер общественного развития.

Социальные трансформации, социальные изменения – основной предмет изучения теоретической социологии и важнейшая тема социальной философии. Классический подход к объяснению социальных трансформаций связан с различными модификациями системного подхода. В соответствии с ним изменения внутри системы постепенно накапливаются и, в конце концов, приводят к изменению самой системы. Основоположителем данного подхода на методологическом уровне был Л. фон. Бергаланфи, а применительно к социальному познанию – Т. Парсонс. Другой моделью, описывающей социальные изменения, является концепция социального процесса, разработанная П. Сорокиным. «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации,

чередования или “эволюции”, короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик» [9, с. 97]. Классификация социальных процессов выделяет линейные и нелинейные, циклические и вариантно повторяющиеся их типы.

Более радикальным теоретическим новшеством стала модель текучего социокультурного поля, появившаяся в конце XX века. Основной структурной единицей его является социальное событие. П. Штомпка следующим образом характеризует концепцию текучего социального поля: «Основное отличие модели поля от системной состоит в теоретическом обосновании изменения и процессов как именно протяженных, а не дискретных, фрагментированных или разорванных. Между двумя точками во времени, как бы близки они ни были, движение не останавливается» [11, с. 29]. Одним из примеров реализации модели социокультурного поля является работа З. Баумана «Текущая современность». «Было бы опрометчиво отрицать или даже преуменьшать глубокие изменения условий человеческой жизни, связанные с наступлением текучей современности, – пишет он. – Отдаленность и недостижимость системы и структуры в сочетании с неструктурированным, текучим состоянием непосредственных обстоятельств реализации жизненных принципов радикально изменяет эти условия и требует пересмотра старых понятий...» [3, с. 14].

Конечно, данные модели отнюдь не исчерпывают всего существующего концептуального многообразия социальных теорий (некоторые из них будут представлены в ходе дальнейшего анализа) Задача, стоящая перед автором, заключается в выявлении и классификации способов конфигурации моделей социальных изменений, используемых в социальной философии и теории. Можно зафиксировать применение для изучения того или иного процесса как одной модели, так и их конфигурацию.

Первый вариант конфигурации связан с синтезом т. н. объективистского и субъективистского подходов. Употребление этих терминов весьма многозначно и широко. Так, Э. Гидденс считает реализацией установок объективизма такие концепции, как функционализм (включая теорию систем), структурализм, натурализм; тему «принуждения» в объяснительных моделях в целом. В противоположность этому субъективизм представлен, по его мнению, герменевтикой и интерпретативной социологией и акцентирует свое внимание на человеческом действии и значении [5, с. 39]. П. Бурдьё ассоциирует с объективизмом, имеющим, по его мнению, своей целью «установить объективные закономерности (структуры, законы, системы отношений и т. п.), независимые от сознания и воли индивидов» [4, с. 51], системный и структурно-функциональный подход.

Отметим в качестве магистральной линии современной социальной теории и философии стремление к синтезу объективизма и субъективизма, преодоления ограниченности обеих этих позиций. «Из всех оппозиций, искусственно делящих социальные науки, самой фундаментальной и самой губительной является та, что противопоставляет субъективизм объективизму» [4, с. 49], так пишет, например,

П. Бурдьё. Результатом такого синтеза явился ряд теорий в социологии, в том числе теория габитуса П. Бурдьё и теория структуриации Э. Гидденса, стремление к синтезу в других социальных теориях.

В соответствии со взглядами Э. Гидденса предметом социальных наук является не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени. В своей деятельности акторы постоянно воспроизводят практики и тем самым условия, которые делают их возможными. Существенную роль в этом воспроизводстве играет рефлексивность. «Целостная последовательность практик предполагает рефлексивность; пишет он, однако последняя возможна лишь в условиях последовательной непрерывности этих практик, которая и позволяет воспроизводить их отчетливо «тождественными» друг другу во времени и пространстве... Быть человеческим существом, значит являться целеустремленным деятелем, который одновременно осознает причины собственной деятельности и способен в случае необходимости детально развить и конкретизировать их» [5, с. 41–42].

Обозначенный синтез действительно отражает важнейшую тенденцию в современном социальном познании. Прежде всего, он реализуется в деятельностном подходе, акцентирующем внимание на роли субъекта в конструировании условий собственной жизни и развивающем тезис Маркса о том, что «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». Подобную направленность имеют теория обмена, символический интеракционизм, концепция морфогенеза У Бакли, теории «активного общества» (теория самонаправленности) А. Этциони, «самопроизводящегося общества» А. Турена и др. Все модели такого типа концентрируются на активности субъекта, детерминированного, с одной стороны, объективными условиями, а с другой – формирующего их благодаря рефлексии, мониторингу социальной жизни и коммуникации. Такие теории появляются не только в социологии, но и в других социальных науках, включая прикладные.

Так, синтез в современной политологии содержит стремление объединить установки и достижения объективистской и акционистской парадигм политического прогнозирования. Объективистская парадигма предполагает, что действие политического субъекта обуславливается объективными факторами, акционистская – сводится в подсчету результирующей действий политических субъектов. В реальной прогностике происходит синтез объективистских и субъективистских подходов. «Прогнозирование представляет собой такую идеально-преобразовательную деятельность, в которой объективные факторы (например, показатели уровня жизни населения) и субъективные намерения управляющих, по сути дела, равноправны» [8, с. 490], – пишет, например, А. И. Соловьев. Прогнозирование в синтетической парадигме сводится к определению последствий действий тех или иных политических субъектов с учётом различных вариантов экономических условий, развития институциональных и ментальных структур, действия других субъектов.

В прогнозировании электорального поведения наблюдается та же тенденция. В современной теории электорального поведения происходит сближение социологического, психологического и политэкономического подходов. Социологический и психологический подходы понимают объективные факторы в качестве детерминирующих поведение избирателя; политэкономический – основан на моделях «рационального индивида» и «рационального принятия решений» и выделяет субъективные факторы как определяющие электоральный выбор. Исходное положение последней школы состоит в том, что каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, представит ему больше пользы, чем другая [1]. Результатом синтеза трех подходов стала модель мыслящего индивида [2, р. 45]. Этот избиратель действительно размышляет о партиях, кандидатах и политических проблемах. Однако в отличие от «рационального индивида» он минимизирует свои усилия по сбору информации, а также стремится упростить процедуру принятия решений. Признается, что поведение избирателя определяется как рациональными, так и экспрессивными (объективными) факторами, причем значение этих факторов равнозначно. В качестве экспрессивных факторов рассматриваются: партийная и идеологическая идентификация, нормы участия (гражданский долг), социальная солидарность, стереотипы, формирующиеся под воздействием СМИ и социальных коммуникаций.

Тенденция к конфигурации субъективистских и объективистских подходов на основе синтеза обнаруживается также в теории принятия решения, поведенческой экономике, теории управления в целом.

Второй вариант конфигурации, выявленный мной в современном социальном познании, связан с сочетанием детерминистического¹ и вероятностного подходов. Детерминистический подход был по сути дела применён К. Марксом при исследовании исторического процесса с точки зрения концепта общественно-экономических формаций. Развитие последних представлено как реализация противоречия между производительными силами и производственными отношениями и носит линейный, детерминистический характер.

Вместе с тем в общеизвестном анализе первоначального накопления капитала Маркс рассматривает формирование капиталистического общества как результат действия ряда независимых экономических и внеэкономических факторов: узурпации общинных земель, разорения монастырей, роста мануфактурного производства и пр. Здесь можно говорить о некоем вероятностном процессе, основанном на случайном (в значительной степени) совпадении ряда составивших ансамбль факторов.

Подобная логика используется при анализе истории европейского развития в XIX веке и Карлом Поланьи [6]. Объясняя условия сохранения столетнего мира в это время и разрушения социальной стабильности в начале XX века, автор рассматривает действие четырех институтов. Первый – система равновесия сил, в течение ста лет предотвращавшая сколько-нибудь длительные и разрушительные

¹ Имеется в виду механистический детерминизм, выявляющий динамические законы

войны между великими державами; второй – международный золотой стандарт; третий – саморегулирующийся рынок, обеспечивший рост материального процветания; и, наконец, четвертый – либеральное государство. В отличие от Маркса, анализирующего процесс первоначального накопления капитала, Поланьи выделяет четыре зависимых друг от друга института, считая порождающим элементом этой системы саморегулирующийся рынок. Казалось бы, вполне детерминистическая модель. Однако сразу после её описания следует высказывание, показывающее некоторую критическую рефлексию автору по отношению к собственным выводам и указывающее на признание элементов случайности в историческом развитии: «В самом деле, нет ничего более нелепого, чем попытка свести всю цивилизацию, все ее материальное и духовное содержание к определенному числу институтов, избрать один из них в качестве самого важного, а затем доказывать неизбежность саморазрушения данной цивилизации из-за каких-то частных, технических особенностей ее экономического устройства. Цивилизации, как и сама жизнь, возникают в результате взаимодействия множества независимых факторов, которые, как правило, невозможно свести к ясно очерченным институтам» [6, с. 9].

Где же кроются, по Поланьи, истоки независимости действия факторов, а следовательно, и вероятностного характера исторического развития? Представляется, что это действие субъектов исторического развития, в частности Священного Союза (а позже – Европейского концерта держав), способных до определенного времени поддерживать равновесие сил на международной арене. При этом такая способность связывается с деятельностью конкретных исторических персонажей (например, Меттерниха), их политическим искусством и мудростью. Соответственно, уход этих персонажей с политической арены и появление других, менее способных (что, безусловно, несло существенный отпечаток случайности), приводили к разрушению равновесия и дестабилизации социальной жизни. Таким образом, при пристальном взгляде на четыре зависимых друг от друга фактора обнаруживается независимость, по крайней мере, двух из них: экономического (саморазвивающийся рынок) и политического (деятельность международных политических регуляторов).

Признание вероятностного характера социального развития я нахожу и в концепции социальной динамики П. Сорокина [9]. Как известно, он постулирует существование трёх типов культур: идеациональной, идеалистической и чувственной. Обнаруживая причины кратковременных флуктуаций, т. е. изменений внутри одного типа культуры, Сорокин выделяет следующие факторы: война или мир, экономическое процветание или обнищание, всевозможные социальные кризисы [9, с. 644–645]. Эти связи и влияния вполне поддаются рациональному описанию и логике детерминизма. Так фактор войны и милитаризма способствует крену государственной системы в сторону тоталитаризма. «В XVII и отчасти в XVIII вв. кривая войны достигла своего высшего уровня – достиг своего максимума и государственный тоталитаризм, – пишет Сорокин. Революционные и наполеоновские периоды были воинственными и тоталитарными. XIX в. (после наполеоновских войн) был относительно мирным – и государственная система с ее

правительством стали умеренными, договорными, ограниченными» [9, с. 646]. Он обращает внимание и на логическую связь тоталитаризма и голода, обнищания населения. «В обществе, где существует дифференциация на бедных и богатых, чрезвычайное обнищание способствует расширению правительственного контроля в других социальных сферах» [9, с. 648]. В качестве примеров рассматриваются ситуации в Древнем Египте времен Иосифа, Китае, Древней Греции, в Средние века, в России накануне революции 1917 г. и пр.

Для нас важно, что Сорокин постулирует и разворачивает на исторических примерах понимание детерминистического и линейного развития внутри типа одного культуры (логика краткосрочных флуктуаций). Иное дело – механизмы долгосрочных флуктуаций. Анализ причин долговременных флуктуаций Сорокин начинает с признания, что никакой тесной и непосредственной связи между типом культур (идеационной и чувственной) и «расширением или сокращением государственно-правительственного вмешательства не наблюдается» [9, с. 641]. Что касается экономического фактора, то Сорокин признает определенную связь между подъемом и упадком экономического благосостояния и типом доминирующей культуры, во всяком случае, относительно греко-римской и западной культур. «Эта связь, однако, – уточняет он, – не является непосредственной. Она, безусловно, существует, но часто нарушается или частично прерывается в результате вторжения “случайных” сил разного рода, а также под воздействием сложного сочетания имманентных следствий развития культуры каждого типа» [9, с. 672].

Таким образом, культурная динамика, по Сорокину, представляется как совокупность линейных, детерминистических периодов (где динамика задается краткосрочными флуктуациями) и сменой культур (определяющейся долгосрочными флуктуациями). Последняя трансформация носит в определенной степени вероятностный характер и задается действием наряду с экономическими, рядом внешних и случайных факторов.

В этом же духе (с определенными оговорками) можно трактовать и соотношение линейных, экономически детерминированных этапов развития общественно-экономических формаций и периодов их смены, находящихся под воздействием ряда независимых и совпавших во времени и пространстве факторов в марксовом анализе. В данном случае речь идет тоже о конфигурации детерминистических и вероятностных моделей социального развития. Конечно, такая конфигурация является в значительной степени современной авторской реконструкцией; сам Маркс, насколько известно, был проводником идеи «локомотива», следующего по «историческим путям» с «железной необходимостью». Однако тщательность и добросовестность исторического анализа Маркса привели к выявлению процессов и фактов, противоречащих по сути его основной позиции.

Что это напоминает? Конечно же, синергетическую модель. В предисловии к книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» [7] О. Тоффлер отмечает, что авторы «не только доказывают..., что в окружающем нас мире действуют и детерминизм, и случайность, но и прослеживают, каким образом необходимость и случайность великолепно согласуются, дополняя одна другую. Согласно теории изменения, проистекающей из понятия диссипативной структуры, когда на систему,

находящуюся в сильно неравновесном состоянии, действуют, угрожая ее структуре, флуктуации, наступает критический момент – система достигает точки бифуркации. Пригожин и Стенгерс считают, что в точке бифуркации принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдет система. Случайность подталкивает то, что остается от системы, на новый путь развития, а после того как путь (один из многих возможных) выбран, вновь вступает в силу детерминизм – и так до следующей точки бифуркации. Таким образом, в теории Пригожина и Стенгерс случайность и необходимость выступают не как несовместимые противоположности: в судьбе системы случайность и необходимость играют важные роли, взаимно дополняя одна другую» [7, с. 26–27].

Данная «синергетическая» конфигурация имеет применительно к социальному познанию некоторые вариации. В ряде теорий роль случайности при переходе к новой системе просто фиксируется или подразумевается. К таким теориям иногда предъявляют претензии в отсутствии или неразвернутости описания механизма перехода к новому состоянию. В качестве примера можно привести концепцию научных революций Т. Куна, где переход к новой парадигме описывается как переключение гештальта, т. е. как иррациональный процесс. Такого же типа конфигурацию осуществляет, на мой взгляд, и К. Полаanyi. Другой вариант – попытки не только продемонстрировать роль случайности в моменте перехода к новой системе, но и показать содержательно составляющие новой системы, случайно совпавшие и образовавшие «пазл».

Некоторые наметки такого подхода я нашла в рассмотренных работах П. Сорокина. В отличие от экономических интерпретаторов истории Сорокин считает, что связь экономики с остальными составляющими культуры носит более свободный характер, чем связь других культурных процессов между собой. «Искусство и наука, наука и религия, нравственные учения и право, право, религия и искусство – эти и прочие, особенно «идеологические» элементы культуры более тесно взаимосвязаны и изменяются в гораздо большей степени в унисон, чем, например, экономические условия и искусство, экономические условия жизни и наука, экономические условия и уголовные кодексы...» [9, с. 672]. В упомянутой работе Маркса (анализ первоначального накопления капитала) роль составляющих, «взаимодействующих в унисон» факторов не только фиксируется на методологическом уровне, но и раскрывается содержательно, показывается их генезис. Автор данной статьи также пытается работать над развитием данного варианта синергетической модели, понимая переход к новым программам и традициям как в науке, так и в социальной жизни как действие механизма системности и взаимосвязанности элементов различных традиций и программ, случайно совпавших в пространстве и времени, составивших новый ансамбль и послуживших основой новой системы [10, с. 11–20].

Таким образом, были проанализированы два, на наш взгляд, важнейших варианта объединения социальных теорий: синтез субъективистских и объективистских подходов и конфигурация детерминистических и вероятностных моделей. Описанные типы конфигураций моделей социального познания, безусловно, не исчерпывают всего их многообразия. Так, заслуживают особого

внимания, но не могут быть подробно рассмотрены в данном формате вопросы соотношения нормативных теорий (теорий, рассматривающих социальный процесс как традицию, следование образцу) и моделей социокультурного поля, конфигурации «матрешечного» типа, различные варианты сочетания системного подхода и моделей развития, объединение познавательных и управленческих подходов и пр.

Список литературы

1. Dawns A. An Economic Theory of Democracy. – N.Y.: Harper, 1957 – 310 p.
2. Popkin S.L. The reasoning voter. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 332 p.
3. Бауман, З. Текущая современность / Зигмунт Бауман. Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с. – Библиогр. в примеч.: с. 232–238
4. Бурдьё П. Практический смысл / Пьер Бурдьё. Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Энтони Гидденс. Пер. с англ. И. Тюрина. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Карл Поланьи. Пер. с англ. А. А. Васильева и др.; Под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. – 313 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс. Пер. с англ. Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
8. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии [Текст]: учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с
10. Фахрутдинова А. З. Традиции и инновации: когнитивная и институциональная поддержка [Текст] / А. З. Фахрутдинова. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4 – С. 11–20.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений / Петр Штомпка. Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Fahrutdinova A.Z. Configuration Explanatory Models of Social Transformation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 95–103.

In the study of transformation of social processes is possible to use one or several configured models. The First configuration option is associated with the synthesis of subjectivist and objectivist approaches. The theory of Structuration E. Giddens, the concept of morphogenesis W. Buckley, theory of Active Society A. Etzioni and Self-production Society" by A. Touraine are the results of this synthesis. All models of this type emphasize the active role of the subject, on the one hand determinate objective conditions, and on the other – construct them through reflection, monitoring social life and communication. The author of the article discovers the desire for such a synthesis and its implementation in the other social Sciences: political science, prognostics, decision making theory, etc. The Second configuration, discussed in detail in this article linked to the combination of deterministic and probabilistic approaches. This configuration author explicates in the analysis of the works of Marx, Polanyi, Sorokin. According to Marx, a deterministic approach is implemented in the deployment of the contradictions between the productive forces and relations of production, the role of randomness can be seen in his analysis of primitive accumulation of capital. The analysis of the concept of Polanyi's revealed that linear and stable European development in the nineteenth century is provided by four interrelated social institutions, while the probabilistic nature of transformation is associated with action international political actors. This logic of social dynamics detected in the analysis of the works of Sorokin.

The author concludes that the essential proximity to the identified configuration of the synergistic model, at least in part the question of the relation between necessity and chance.

Keywords: configuration models of social transformation, objectivism, subjectivism, determinism, probabilistic nature of social development.

References

1. Dawns A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., Harper, 1957, 310 p.
2. Popkin S.L. The reasoning voter. Chicago, University of Chicago Press, 1991, 332 p.
3. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [The Technical Modernity]. Trans. from English. Ed. Yu. V. Asochakova, SPb., Piter, 2008, 240 p.
4. Burd'e P. Prakticheskii smysl [The Practical Sense] Trans. from the French ed. A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Resp. trans. Ed. and Afterword. N. A. Shmatko, SPb., Aleteiya, 2001, 562 p.
5. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii struktursii [The Constitution of Society], Trans. from English. I. Tyurina. 2-e publ. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2005, 528 p.
6. Polan'i K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashogo vremeni [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time] Trans. from English A. A. Vasil'eva. Edited by S. E. Fedorova. SPb., Aleteiya, 2002, 313 p.
7. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi [Order out of Chaos. Man's new dialogue with nature] Trans. from English. Edited by V. I. Arshinova, Yu. L. Klimontovicha i Yu. V. Sachkova. Moscow, Progress, 1986, 432 p.
8. Solov'ev A.I. Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii [Political science: Political theory, political technologies] Textbook for University Students. Moscow, Aspekt Press, 2006, 559 p.
9. Sorokin P. A Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and Cultural Dynamics] Trans. from English. Introductory Article and Comments by V. V. Sapova. Moscow, Astrel', 2006, 1176 p.
10. Fakhrutdinova A.Z. Traditsii i innovatsii: kognitivnaya i institutsional'naya podderzhka [Tradition and Innovation: Cognitive and Institutional Support]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology], 2016, Vol.2 (68), no. 4, pp. 11-20
11. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii [The Sociology of Social Change.]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 416 p.